ФЭНТЕЗИ 2007

SHOUT
SHARE
IT

- Михаил Балабин, Олег Бондарев
  -

Михаил Балабин, Олег Бондарев
Ангелы тоже любят

Нечасто можно встретить тролля в библиотеке. Тем более с толстенной энциклопедией «Всемирная фауна». Вот и Валентину такой тролль не встретился. Даже без энциклопедии.

«Досадно! — подумал Валентин, задумчиво глядя на посапывающего в углу библиотекаря. — Действительно досадно!»

Он почему-то думал, что тролль придет в библиотеку именно сегодня. Однако косолапый монстр даже не подозревал о существовании Валентина и потому наверняка отправился в какую-нибудь корчму, чтобы выпить темного пива и рассказать паре собутыльников о своих невероятных похождениях. Вроде «он меня оглоблей, а я его телегой» или «рубились три дня и три ночи, пока не отрубились»…

В руках Валентина, словно по волшебству, появилась ручка и записная книжка. Открыв блокнот на нужной странице, Валентин зачеркнул «Тролль. Библиотека. Всемирная фауна». Пробежал взглядом по строчкам и закрыл ежедневник.

Новая задача. На сей раз намного сложней и ответственней, потому как отступиться от нее нельзя. Под страхом увольнения.

Валентин что-то прошептал себе под нос и щелкнул пальцами. Сизый дым окутал его с ног до головы.

Библиотекарь громко чихнул и открыл глаза:

— Что за?.. — и замер, удивленно оглядываясь по сторонам: читальный зал был девственно пуст.

* * *

— Дядя Гозмо, а дядя Гозмо! — Девчонка в разноцветном костюме ловко запрыгнула на козлы рядом с возницей.

— Ну, чего тебе?

— А куда мы едем?

— Знамо куда — в Салатово! Там недельку побудем — и в сам Резаран рванем. Ух, денежки к нам побегут!..

— Ах, дядя Гозмо! — Девчонка весело рассмеялась и повисла у Гозмо на шее. — Как же я вас люблю!

— Да будет, будет! — неуверенно хохотнул тот. — Развела тут… это самое… сопли! Скоро меня в них утопишь!

Девчонка фыркнула и еще сильнее прижалась к нему. Старик

растроганно шмыгнул носом.

Цирк дядюшки Гозмо вновь отправлялся в долгий тур по городам Ариана. Для молодой, но подающей большие надежды эльфийки Кларетты эти гастроли были первыми в жизни. Для Гозмо… Впрочем, циркач уже давно сбился со счету. Главное, что в каждом городе его узнавали и, тыча в сторону балагана пальцем, кричали: «Глядите! Старик Гозмо приехал!» Циркачей любили и в обиду не давали.

Но от нападения разбойников не застрахован никто.

Дорогу телеге преградили четверо в черных масках-повязках. Кони испуганно заржали и стали на месте: один из грабителей, с рыжими волосами, держал за ошейник огромного волкодава, с клыков которого безостановочно капала слюна.

Гозмо тихо чертыхнулся. Рука его потянулась к висящим на поясе метательным ножам.

Один из разбойников увидел это и попытался предупредить товарищей, но бросок Гозмо вышел чертовски быстрым и метким: грабитель упал с ножом в правой глазнице. Остальные лиходеи оказались не в пример ловчее своего погибшего товарища: двое откатились в сторону, а рыжий отпустил ошейник волкодава, и монстр с радостным предвкушением рванулся к добыче.

Второй нож Гозмо ушел в «молоко»: серый зверь оказался слишком быстр. Легко уйдя от просвистевшей в паре дюймов от загривка смерти, волкодав растянулся в длинном прыжке.

Старик выхватил из ножен короткий охотничий кинжал и выставил его перед собой. Он прекрасно понимал, что смерти уже не миновать, но хотел спасти хотя бы друзей.

Волкодав, одурманенный свободой, не заметил кинжала и нанизался на него. Будь на месте серого монстра обычный пес, он бы мгновенно испустил дух. Однако волкодав успел широко раскрыть пасть и с упоением впиться в горло дядюшки Гозмо. Старик бросил последний взгляд в сторону Кларетты и испустил дух.

Из фургончика выбежал атлет Семерро и братья-клоуны Гиббисы. Силач сжимал в руках трехпудовую гирю, а весельчаки вооружились двумя одинаковыми мечами. Циркачи сцепились с оставшимися тремя разбойниками, а эльфийка, давясь слезами, прижалась к остывающему телу Гозмо — ее любимого дядюшки.

Чья-то рука легла ей на плечо. Девочка, утерев слезы, оглянулась через плечо. Открыла рот от удивления.

— Пойдем, — тихо, но твердо велел ей человек в белой одежде. Впрочем, вряд ли это был человек. Эльфийка полагала, что так могут выглядеть только ангелы: благолепный, чистый, казалось, дотронешься пальцем — исчезнет, словно морок во

время жары… — Тебе не место среди этой бойни.

Она неуверенно кивнула.

Ангел протянул девочке руку. Кларетта сжала ее своими маленькими тонкими пальчиками, и ангел грустно улыбнулся: забирая девушку отсюда, он оставляет очень большую ее часть здесь, на лесной дороге.

Но по-другому нельзя.

Валентин потянул Кларетту за собой.

Когда разбойники покончили с Семерро и братцами, эльфийки уже и след простыл.

* * *

Не всякий раз увидишь, как бежит по натянутому меж домами канату чернокожий, белозубо скалящийся циркач. А если внизу, на сколоченном наспех помосте, бесятся в клетках полосатые тигры, чинно вышагивает на задних лапах зеленая кошка, а удав рассказывает сказки и умеет считать до трех, то на такое представление сбежится весь город. И в самом деле: не каждый день на дворцовой площади выступают циркачи!

Не случилось их и на этот раз.

Не принимать же в расчет молоденькую эльфийку, робко жонглирующую яблоками у видавшего виды фонтана?

— Ты послушай меня, братец Горрац, послушай хорошенько: если нет хоботатых слонов, силачей или хотя бы завалявшегося клоуна, то этот цирк — не цирк! — Толстощекий бюргер со значением поднял палец. — А если девчонка не циркачка, то что? Знамо — попрошайка и грабительница, а значится, место ей в тюрьме! В тюрьме, почтенный Горрац!

— Ты это… того… — стражник озадаченно поскреб пятерней в затылке и, решившись, направился к девочке.

Кларетта слишком поздно заметила опасность. Грязная лапа ухватила девушку за плечо. Яблоки посыпались на мостовую, раздалось оглушительное: «Пчхи!»; сизый дымок окутал эльфийку, и…

В руках у стражника Горрака остались лишь алая ленточка и яблоко.

— Это… того… — воин задумчиво надкусил плод, несколько раз, разбрасывая крошки белой мякоти, чавкнул и, сунув ленточку в кошель, направился прочь.

Высунувшийся наружу червяк презрительно фыркнул.

* * *

— Когда мы придем, Вал? Когда? Я устала, — тихий, ровный голос.

— Скоро, Малышка, — как легко, неожиданно просто далось ему это прозвище. Он пробовал называть так других, но слова почему-то всегда глохли в глотке. Валентин улыбнулся и задумчиво повторил: — Скоро… Малышка.

— Мы идем… сколько? Куда? Я не знаю. Я ничего не знаю, Вал. Ты оставляешь меня в странных местах, я вижу странных людей, иногда они приветливы, иногда, как сегодня… Я устала, Валентин, очень устала.

— Скоро, Малышка… скоро. Слишком.

Завтра она встретит своего Единственного. Такое бывает очень редко — ведь Валентин один, а смертных… смертных слишком много. Но иногда он успевает, и тогда две судьбы становятся одной, а разделенные половинки вопреки всему объединяются в целое. Кем он будет, ее Единственный? Высокий стройный принц на белом коне? Жестокий, беспощадный к врагам, но такой нежный дома Лорд Севера? Или печальный менестрель из Желтого Леса?

Кто ты? Какой ты — ее Единственный?

Он никогда не видел этого человека и, наверное, никогда не увидит. Довести, привести Кла… Малышку, а там… Стоит им встретиться…

… Их глаза соприкоснулись: молодая эльфийка и он — ее Единственный. Взмах дирижерского сучка, молния, вселенский пожар, ревущее пламя, обрушившаяся дамба, стремительный ледяной беспощадный поток — на миг, и…

Любовь навсегда.

Они могут прожить вместе до старости, а могут сгинуть, пропасть сразу, но любовь их — к счастью или на погибель — вечна.

— Мы идем очень долго. Почему? — улыбнулась Кларетта. — Почему, а? Вал?

И вправду — почему?

Разве это проблема для него, разве это сложность — пройти незримый путь? Ему, который может за миг осилить сотни лиг или дюжину часов, ему, Валентину?

Почему же дорога никак не заканчивается?

Туннель выводил то к замшелому пню на светлой, поросшей земляникой поляне, то к потрескавшемуся черному фонтану на грязной площади, то… да мало ли куда выводил. И каждый раз Валентин видел Малышку по-разному. Смешная девочка,

объедающаяся красными ягодами; грустная девушка в отблесках костра, порой такая домашняя, маленькая, тихая, грустная, поющая что-то эльфийское… Порой — веселая, быстрая, ловкая, словно кошка, смелая циркачка.

Каждый раз было по-разному.

И завтра все это закончится. Потому что Валентин, наконец, понял: путь зависел только от него. Он хотел, чтобы они шли долго, и они шли.

Слишком.

Завтра — уже не успеть, не достать того, что было так близко, так рядом, до чего еще вчера можно было легко дотянуться.

Однако же как не хотелось отдавать Малышку в объятия этому Единственному, сэру Никто!..

* * *

— Я искала тебя ночами темными… — тихонько напевала себе под нос Кларетта.

Валентин вздрогнул: похоже, чем ближе они подходили к цели путешествия, тем сильнее Малышка чувствовала своего избранника. Еще не понимала, но где-то внутри себя ощущала его близость.

— Куда мы едем, Вал? — вновь заканючила эльфийка. Ее тонкие пальцы бегали по тоненькой хворостине, словно это никакая не деревяшка, а самая настоящая дудочка.

— Не начинай снова, Малышка. Я же сказал: скоро узнаешь.

— Я не хочу знать скоро. Хочу сейчас. — Кларетта обиженно надула губы.

— Не делай так больше.

— Почему?

— На жабу похожа.

Кларетта презрительно фыркнула: мол, это еще разобраться надо, кто больше на жабу похож! Однако говорить вслух не стала, понимая, что Вал спорить не будет, просто усмехнется, соглашаясь: пусть так — мне все равно. Странный. Вечно спокойный, безразличный, словно камень. Порой он был невыносим. Зато вчера — удивительно! — он помогал ей собирать землянику в передник, грустно улыбался, напевал что-то, с ним было так весело, до ужаса интересно и еще… тепло. А сегодня — зачем? почему? — он снова спрятался в непробиваемую раковину, выпятив наружу холод и безразличие.

Валентин все понимал. Он и сам был бы рад плюнуть на весь

свой пафос, посмеяться в компании девушки над ее шуточками и безобидными шпильками, однако непривычная тяжесть на сердце не позволяла расслабиться, полностью отдаться чувствам. Вал не понимал, что с ним случилось: почему при каждом удобном случае он стремится хотя бы одним глазом посмотреть в ее сторону? Почему нежно укрывает плащом на привалах? Почему до утра не может заснуть, глядя на нее, спящую?

Несмотря на прожитые столетия, Вал не находил ответа.

Это был словно злой рок: он, Валентин, лучший работник Небесной Канцелярии, бесстрастный, порой даже жесткий, но очень ответственный, не мог признаться себе, что влюблен.

Влюблен?

Да, наверное, это чувство можно назвать любовью.

Сам Вал никогда не любил. Это может показаться смешным: сколько удачно законченных операций, грамот и орденов от начальства за великолепную работу и незаурядное трудолюбие — а он так и не познал то, что дарил другим множество веков подряд!

Вот только Валентину было не до смеха.

На сей раз он все же заснул.

* * *

Его Высочество принц Ариана Деббион Четвертый (для друзей просто — Дебби) прогуливался по осеннему саду.

Подошвы его сапог утопали в октябрьской листве, ковром застилающей землю; сорванец-ветер ласково щекотал холеную кожу; цикады исполняли для него этюды и арии — но принц не обращал на это никакого внимания: ему было просто не до того.

Волнение, возникшее в его душе пару дней назад, с каждым вздохом разгоралось с новым пылом. Поросли лозы норовили пощекотать нос, однако, видя состояние принца, убирались восвояси. Флюиды растерянности и тревоги струились от Его Высочества на расстояние пушечного выстрела, и природа, чувствуя их, осторожно отходила в сторону, позволяя принцу остаться тет-а-тет со своими мыслями и сомнениями.

Только вот Дебби этого не хотел. Он пришел в сад, чтобы спрятаться от своих истинных чувств, но не находил укрытия и здесь.

Кто знает, к чему эта тревога? Может быть, жадные соседи собрались вновь устроить завоевательный рейд на приграничные районы их королевства? Или короля одолела болезнь?

Но нет; соседи пока сидели тише воды ниже травы, даже не думая о набегах, а батюшка Дебби, к величайшему неудовольствию королевы и безмерной радости фрейлин, не пропускал ни одной юбки: старый дворецкий Джером уже которую ночь не мог как следует выспаться из-за постоянного дребезжания кровати наверху…

Поистине, самое страшное ждало принца впереди.

Сорвав гроздь осеннего винограда, Его Высочество покинул дворцовый сад.

* * *

— Что там, Вал? — пропищала Кларетта.

— Тише ты! — шикнул на нее Валентин.

— Пасуй давай, чего ждешь? — заорал капитан гоблинов, стремительно прорываясь по левому флангу.

Напарник зеленого, бросив взгляд в сторону командира, решил, что пасовать еще рано, и бросился в прорыв. Великан-орк упустил момент, когда ловкач прокинул кожаный мячик ему между ног, и превратился в зрителя; опьяненный маленькой победой, гоблин устремился к воротам соперника.

Однако дойти до них ему было не суждено. Великан очнулся и, растянувшись в невероятном прыжке, подкатился под гоблина сзади. Даже на дереве слышен был хруст ломающихся костей.

Вопя, как поросенок под ножом мясника, гоблин катался по земле, обеими руками схватившись за ушибленное колено.

— Стоп игра! — воскликнул судья, кряжистый тролль в полосатой рубахе, и опрометью бросился к травмированному игроку.

— На месяц выбыл, зараза, — сообщил лекарь, поднимаясь с колен. — Несите в тень — еще там посмотрю!

Два гоблина в белых сорочках положили вопящего на самодельные носилки и оттащили под высокий клен.

На толстом суку которого, кстати, сидели и Вал с Кларретой.

— Что та… — Эльфийка наклонилась вперед, дабы получше разглядеть рожу подбитого монстра.

«Хрусть!» — оборвала ее ветка, ломаясь, и парочка отправилась вниз.

Гоблину повезло: Валентин и Кларетта упали в шаге от его импровизированного ложа. В благодарность зеленый громко завопил:

— Тревога!

Вал не успел даже дернуться, а к его горлу уже приставили два копья.

— Ба! — удивился судья. — Да он магик, похоже! Ну-ка, Бракки, дай-ка мне оберег!

Лекарь бросил троллю какой-то предмет, и судья ловко надел его эльфийке на шею.

— Так оно спокойней будет! — объяснил он. — Теперь не смоешься с ней без нашего ведома!

Вал тихо чертыхнулся: проклятый амулет действительно блокировал любую волшбу.

— Ты не злися, не злись! — похлопал его по плечу лекарь. — Вижу я, что зла вы нам делать не хочете. Так что отпустим, не бойся! Вот только… — врачеватель подмигнул судье, и тот довольно осклабился:

— … Игру закончим!

— Ну, так заканчивайте! Мы пока здесь подождем, в тенечке, — Вал пожал плечами, выражая свое полное безразличие ко всякого рода игрищам.

— Ты не понял, магик, — покачал головой тролль. — Ты тоже участвуешь! Вместо него, — судья кивнул в сторону постанывающего гоблина.

Вал чертыхнулся вновь: играть с орками в мяч — дело еще более гиблое, чем сражаться с ними на топорах. Там ты хоть знаешь, чего ждать, а здесь… Впрочем, есть ли другой выход?

— Но если я сыграю, вы точно отпустить нас?

— Конечно, — серьезно сказал тролль. — Слово тролля.

— Отлично. — Валентин одобрительно кивнул. — Тогда… сыграем.

Орки и гоблины радостно загомонили.

* * *

Когда Валентин вступил в игру, гоблины были в отчаянном положении. Последний нападающий вышел из строя, а скамейка запасных оказалась пуста: из-за большой травматичности гоблинбола все триста игроков успели выйти из строя к началу второго тайма. Команда, и так не блиставшая высокой моралью, вконец распустилась и пыталась незаметно смешаться с болельщиками, которые гроздями винограда висели на ветках близстоящих деревьев. Валентин попытался выяснить у пищавшего какую-то нелепицу про детей и мамочку защитника, кто же тут тренер. Получилось не сразу. Полчаса спустя тот,

наконец, не выдержал методов допроса и дрожащей рукой указал на выбывшего последним игрока. Бедняга, весело ухмыльнувшись, отсалютовал и грохнулся в обморок.

Порядок пришлось наводить жестокими репрессиями. Кое-как утихомирив расшумевшуюся команду, Валентин по секрету — гоблины навострили уши — поведал «тактику»:

— Ты — туда! Ты — там стой! А я… Разберемся!

— Поехали! — воскликнул судья, и игра началась.

— Пш-ш-и-ик! — верещал мяч, перелетая с одного края поля к другому.

— Голь, — удивленно отмечал в протоколе судья.

— Бац! — восклицал орк, в очередной раз промазав по Валентину.

— Пш-ш-и-ик, — отвечал на то мячик.

— Голь.

— Пш-ш…

— Го…

Тролль отчаянно тер грязным платком вспотевший лоб: магик оказался славным мячегонцем, судья едва успевал считать голи, забитые «гоблином». Излюбленный метод зеленокожих: «Бей не по мячу! По ногам! Оно вернее!» — наверное, в первый раз за многолетнюю, полную взлетов и падений историю игры, давал сбой. Болельщики — сотня фанатов в разноцветных майках — настолько прониклись стилем Валентина, что даже прекратили затевать драки, мусорить, пьянствовать, плевать под ноги да дубасить друг друга по голове и взялись подбадривать игроков веселыми кричалками и свистом. Какой-то гоблин даже предложил запустить «волну», но так как никто из собравшихся толком не понял, что это такое, болельщики ограничились подкидыванием зачинщика в воздух.

— Пш-ш-ш-ш… Пуф! — заявил мяч и лопнул. Подбежавший судья придирчиво осмотрел останки мяча, крепко пожал руку Валентину и, сложив ладошки рупором, прокричал:

— Конец! Конец! Победа лопаньем присуждается, — тут старый тролль сделал эффектную паузу, — команде гоблинов!

Трибуны взвыли.

Кто-то обнимал Валентина, дружески бил его по плечу, какой-то орк ловко отодрал у него две пуговицы на счастье, а тролль, подмигивая и улыбаясь, предложил подписать контракт, суля «во-о-о-т такую славу» и «во-о-о-т такие деньги» почти даром.

С трудом растолкав фанатов, воришек и игроков, Валентин добрался до эльфийки. Малышка сидела на молоденьком вязе и весело болтала ногами.

— Куда мы теперь, Вал? — невинно спросила Кларетта.

— Ты знаешь, я был бы не против как следует искупаться! — усмехнулся Валентин, выжимая мокрое от пота платье.

Малышка довольно фыркнула: впервые за время их знакомства вечный спаситель позволил себе искренне улыбнуться.

* * *

Принц Дебби, по велению сердца, отправился в лес.

Глупо? Конечно.

Просто отчего-то осень, грязная склизкая осень, залепила мир желтым, забросала поросшими мхом корягами, иссохшими листьями и жухлой травой, глянула мирно и устало прохладным солнцем, махнула по щекам еще теплым ветром…

И душа взвыла.

Может ли душа выть? Дебби не знал.

Раньше.

Будто крючком — иные называют его кошачьим коготком — зацепили, аккуратно, чтобы не сорвался, потянули не-зримую нить и, подсекая, что есть мочи потянули, выворачивая наизнанку.

Судьба любит шутки и рулетку-Фортуну. Любовь — злой, несчастный подарок — белым шариком на черное поле выпала Дебби. Набитый нелепыми предчувствиями, старыми предрассудками, заученными мыслями и наносной чванливостью принц, оседлав белого коня, выехал за замковые ворота.

Во рту горчил последний виноград.

* * *

Брызги летели во все стороны. Холодная жгучая вода. Сколько лет Валентин вот так запросто не окунался в ледяную тьму: махом, без раздумий, зачерпнув . воздух ртом, чтобы через миг, отфыркиваясь, отплевываясь, с рыком вынырнуть бодрым, колючим — другим! Сколько?

Река, маленькая, но удивительно глубокая, с плеском принимала Валентина. Только что запыленное, просоленное платье липло к телу, путалось в ногах. Вместе с грязью и потом с Небесного Странника сходили усталость и безразличие. Вода заливала нос, рот, уши, промывала глаза.

Нырок.

Если под водой открыть глаза, то далеко внизу будет поросшая водорослями темнота, а наверху — свет. Перекувыркнуться, и — все наоборот. Свет — тьма, тьма — свет, тьма… тьма… боль в груди… и теплый, заливающий глаза и легкие свет.

А вместе со светом родился смех.

Робко, кашляя, Валентин смеялся.

Все будет хорошо. К черту Небесную Канцелярию и вездесущее око, к черту! Он ступит на тайные тропы, он увезет Малышку далеко-далеко.

Далеко.

Свет — Тьма.

Цокот копыт.

Валентин выбежал слишком поздно.

Высокий стройный принц, соскочив с белого коня, обнял его Малышку. Их глаза встретились, молния, ревущее пламя — Вал не видел их, но знал: они есть — обрушившаяся дамба, ледяной поток, заливающий все… все.

Круг замкнулся. Половинки нашли друг друга.

Любовь навсегда.

Небесный Странник повернулся и пошел прочь.

— Вал! Вал! — тоненький голосок. — Валентин! Постой, пожалуйста, постой, Вал!

Малышка бежала к нему.

* * *

Нечасто тролли читают энциклопедии, гоблины побеждают в гоблинбол, стражники заплетают ленточки, а златокудрые принцы получают отказ.

Почти что никогда.

Почти…

Редко. Очень-очень редко можно встретить на берегу маленькой, но удивительно глубокой безымянной речушки эльфийку и Небесного Странника.

Странника ли?

— … навсегда, да, Вал?

— Навсегда, Малышка.

— Только… Валентин… ты не обидишься?

— Конечно, нет. Никогда…

— Зачем тебе это дурацкое белое платье?

Валентин рассмеялся. Легко и просто. Подхватил эльфийку, закружил, поставил на остывшую землю.

И впрямь — зачем?

Он скинул когда-то белое, а теперь серое платье, оставшись в черных полинялых трико и синей рубахе, отжал одежду и, набросив серое полотнище на ближайшую ветку, махнул рукой.

Нечасто Небесный Странник и эльфийка уходят вместе.

Почти что никогда.

Почти…